

## **Магальеш Перейра против Португалии**

[Magalhães Pereira – Portugal] (№ 44872/98)

Постановление от 26 февраля 2002 г.

[вынесено IV Секцией (в предыдущем составе)]

*Обстоятельства дела.* В декабре 1996 года заявитель был помещен в психиатрический стационар закрытого типа, так как было установлено, что он не может быть привлечен к уголовной ответственности по обвинению в мошенничестве ввиду психического заболевания. В январе 1997 года судья Окружного суда, в производстве которого находилось дело заявителя, вынес распоряжение о том, чтобы в соответствии с действующим законодательством, начиная с 1 марта 1998 г., периодически проводились бы судебные проверки необходимости продления содержания заявителя под стражей. В феврале 1997 года судья, занимающийся вопросами исполнения наказаний, назначил адвоката для представительства интересов заявителя. 2 июля 1997 г. заявитель по собственной инициативе подал ходатайство об освобождении его из-под стражи на основании положительного медицинского заключения. 4 июля 1997 г. судья сделал на деле заявителя пометку «ознакомлен». В январе 1998 года в соответствии с действующим законодательством судья обратился в два медицинских учреждения с просьбой дать заключение о состоянии здоровья заявителя. Эти два учреждения провели обследование заявителя и дали свои заключения в мае 1998 года. В заключении одного из учреждений говорилось, что состояние здоровья заявителя позволяло освободить его из-под стражи. Но специалисты второго учреждения были против освобождения заявителя. В июле 1998 года судья провел собеседование с заявителем, который до этого по собственной инициативе подал повторное ходатайство об освобождении из-под стражи. Поскольку официально назначенный адвокат заявителя не смог участвовать в собеседовании, судья назначил представителем заявителя должностное лицо учреждения, в котором заявитель содержался под стражей. В дальнейшем заявитель подал третье ходатайство об освобождении из-под стражи, причем вновь по собственной инициативе. В апреле 1999 года в период временного освобождения из-под стражи заявитель скрылся от правосудия и был задержан в собственном доме лишь в ноябре 1999 года. В январе 2000 года Трибунал по исполнению наказаний вынес решение о продлении содержания заявителя в психиатрическом стационаре закрытого типа. Решение судьи, занимающегося вопросами исполнения наказания, было вынесено на основе заключения врачей, представленного в мае 1998 года, в котором врачи возражали против освобождения заявителя из-под стражи, а также с учетом того обстоятельства, что заявитель совершил побег, а значит, не заслуживал доверия. Наконец, судья отметил, что ходатайства об освобождении из-под стражи, поданные заявителем по собственной инициативе, рассматривать не следует, так как заявитель душевнобольной. Жалоба заявителя на указанное решение была оставлена без удовлетворения. В январе 2001 года судья отклонил ходатайство прокуратуры об освобождении заявителя из-под стражи и вынес решение об оценке ситуации в ходе очередной судебной проверки необходимости продления содержания заявителя под

стражей (намеченной на конец января 2002 года). В июне 2001 года прокуратура обжаловала это решение, но жалоба была отклонена.

*Вопросы права.* По поводу пункта 4 статьи 5 Конвенции:

(1) В случаях принудительного помещения в психиатрический стационар лиц, страдающих психическими расстройствами, действующим законодательством Португалии предусмотрена процедура обязательной периодической судебной проверки оснований содержания человека под стражей. Кроме того, больные имеют право в любое время ходатайствовать об отмене распоряжения о принудительном помещении в стационар и об освобождении из-под стражи. В данном случае то обстоятельство, что судья, занимающийся вопросами исполнения наказаний, сделал на деле заявителя пометку «ознакомлен», нельзя считать вынесением решения по поводу достаточности оснований для дальнейшего содержания заявителя под стражей. Вопреки распоряжению судьи Окружного суда, изданному в январе 1997 года, первая обязательная судебная проверка правомерности дальнейшего содержания заявителя под стражей состоялась лишь 20 января 2000 г., то есть спустя более двух с половиной лет после подачи заявителем первого ходатайства об освобождении из-под стражи. Даже с учетом семимесячного периода, в течение которого заявитель находился на свободе, указанный срок следует считать чрезмерным, при отсутствии каких-либо особых факторов, способных служить оправданием столь длительного срока для целей пункта 4 статьи 5 Конвенции. Одно это обстоятельство позволяет сделать вывод о наличии нарушения данной нормы. Кроме того, принимая в январе 2000 года решение о продлении пребывания заявителя в психиатрическом стационаре, Трибунал по исполнению наказаний исходил, в частности, из содержания медицинского заключения, представленного в мае 1998 года. Так что решение было принято на основании медицинских данных, которые были получены за год и восемь месяцев до этого и, возможно, не отражали состояние здоровья заявителя на момент принятия решения. Столь значительная разница во времени между получением медицинского заключения и вынесением судебного решения, вероятно, противоречила главному принципу Статьи 5 Конвенции – принципу защиты человека от произвола государства в ситуациях, когда стоит вопрос о его свободе. Наконец, Трибунал по исполнению наказаний не обеспечил соблюдение процессуальных норм об обязательной периодической судебной проверке оснований для лишения свободы, как это предусмотрено законодательством страны.

*Допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции (единогласно).*

(2) Что касается жалобы заявителя по поводу того, что он не получил адекватную юридическую помощь, то Европейский Суд постановил следующее: лицо, помещенное в психиатрическое медицинское учреждение закрытого типа за совершение действий, образующих состав преступления, за которые данное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности ввиду психического заболевания, должно получать юридическую помощь при осуществлении процессуальных действий, касающихся вопросов дальнейшего пребывания под стражей, временного или окончательного освобождения из-под стражи, кроме случаев, обусловленных наличием особых обстоятельств. Данный вывод основывается на том, что решение имело большое значение для заявителя (ведь речь шла о его личной свободе), а также самим характером его недуга (умственная неполноценность). В данном случае заявитель страдал психическим заболеванием, которое не позволяло ему самостоятельно участвовать в производстве по делу, в том числе и в процедурах регулярной судебной

проверки правомерности его содержания под стражей. В самом начале производства по делу в соответствии с требованиями законодательства судья, занимающийся вопросами исполнения наказаний, назначил адвоката, который должен был представлять интересы заявителя. Однако этот адвокат не участвовал в производстве по делу ни на одной из стадий процесса. Как Европейский Суд отмечал ранее в своих Постановлениях по поводу нарушений подпункта с пункта 3 статьи 6 Конвенции, назначение адвоката само по себе не означает, что обвиняемому оказана эффективная помощь. В данном случае отсутствие эффективной помощи было явно продемонстрировано в ходе судебного заседания в июле 1998 года, когда в отсутствие официально назначенного адвоката судья поручил исполнение функций адвоката заявителю представителю учреждения, в котором содержался заявитель. Власти Португалии заявили, что судья принял решение обойтись без официально назначенного адвоката, так как на судебном заседании не предполагалось выносить решения по каким-либо юридическим вопросам. С этим доводом нельзя согласиться. Во-первых, данное судебное заседание проводилось с целью решения вопроса о дальнейшем пребывании заявителя в заключении; очевидно, что в ходе судебного заседания могли возникнуть юридические вопросы. Во-вторых, судья не вынес решения о том, что заявитель может обойтись без законного представителя, ведь он назначил для этой цели представителя тюремного учреждения. Даже если такое назначение можно было считать соответствующим требованиям законодательства страны и прецедентам Конституционного Суда, нельзя признать, что оно обеспечивало надлежащее представительство интересов заявителя. Таким образом, заявителю не была оказана надлежащая юридическая помощь.

*Допущено нарушение подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции (единогласно).*

*Статья 41 Конвенции:* Европейский Суд присудил выплатить 6 тысяч евро в порядке возмещения морального вреда, а также 5 000 евро в порядке возмещения судебных расходов за вычетом 1 779 евро, выплаченных Советом Европы за оказание юридической помощи.